

Мария Муравьёва

Колыбельная для ангела

Колыбельная для ангела

Спи, мой ангел белокрылый.
 Ночь темным-темна.
 Много душ людских сгубила
 жёлтая луна—
 не смогли мы им подставить
 крепкое плечо.
 В час, когда Рогатый правит,
 душам горячо.
 Не кори себя, мой славный:
 ангел—не Стрибог,
 не потушит ветром пламя
 вдоль людских дорог.
 Каждый волен сам решиться—
 жить иль умирать.
 Что же вновь тебе не спится?
 Ночью нужно спать.
 Пусть несёт тебя неспешно
 Дрёма в свой предел.
 Спи, мой ангел белоснежный,
 завтра много дел.

Радуница

Словно на рассвете
 Облегают стаи,
 Улетают листья
 Журавлей на юг.
 Мама гладит плечи:
 «Ты совсем большая...»
 Жизнь быстра, как выстрел,
 И дана не вдруг.

Кто-то бросит камень,
 Улыбнётся криво.
 Кто-то не заметит:
 Жизнь—веретено.
 Наши духи с нами,
 Наши души с ними.
 Мамин взгляд осветит
 В небеса окно.

Когнитивный диссонанс

Она пела на улице и в подземельях метро.
 Она знала все карты зыбучих коллекторных троп.
 Собирала досужие сплетни и слухи в ведро.
 На вопросы о личном—молчала, прищурясь хитро.
 Он курил «Mackintosh» и «донашивал» папин «Renault».
 Из искусств выделял кабаре и немое кино.
 А когда во дворе от дождей становилось темно,
 Он гулять выходил, вместо двери шагая в окно.
 Если где-то в толпе вдруг мелькал её ношенный плащ,
 Он глаза закрывал и боялся сорваться на плач.
 А она прижималась щекой к ещё тёплым следам,
 Что он в спешке забыл, проходя по её городам.

Обрубки

Когда уходят близкие от нас,
 они частицу нас берут с собой:
 погиб отец—и будто вы тотчас
 лишились ног—пронзила сердце боль.
 Уходит мать—и вы уже без рук,
 без глаз... В душе зияет пустота.

Как много нас—обрубьшей—вокруг,
 не научившихся жить «с чистого листа».

Гимн свободе

Солнечным ветром врываясь в ладони,
 В лицах прохожих себя отражая,
 Мчались по улицам медные кони,
 Трубоподобно залиvisto ржали.
 Сбив постаменты, разрушив границы,
 Чёткие ритмы копыта стучали.
 Медные гривы взмывали, как птицы,
 Крупы в полёте вились обручами...
 Им удалось превозмочь притяжение,
 Тяжесть в телах от обветренной меди...
 Бывшие статуи пили движение,
 Гимном свободы летя по планете.

● ● ●
Осень набросала листья под ноги дождя,
Растревожила ветрами сны усталых крыш
И, как будто не нарочно, мимо проходя,
Занавесила туманом утреннюю тишь.

Осень, добрая подруга, вечная сестра,
Напои меня прозрачной чистотой своей,
Отогрей меня дыханьем травного костра
И омой меня слезами проливных дождей.

Осень закружила листья у моих дверей.
Эти листья — лета письма к каждому из нас.
Эти листья — обелиски над судьбой моей,
Наблюдают, в лужах тают сотней жёлтых глаз.

Глупо

Глупо любить того, кому ты не нужен.
Напоминать о себе. Оставлять записки.
Это подобно тому, как горячий ужин
Вдруг превратился бы в сливочные ириски —
Сладко и вязко. И хочется рот почистить,
Прополоскать как следует мятным фрешем.
Ты напиши два слова и скомкай листик.
Выбрось. Но я пойму. И не буду нежной.
Стану чужой. Позабуду твои привычки.
Не позволю сказать, что вчера сучала.

Глупо держать корабль под прицелом спички.
Лучше его спалить. И уйти с причала.

Поколение тополей

Их вырубали, а они росли,
тянули к солнцу раненые ветки, —
взлеянные ласками Земли
не превратятся в плоть марионетки.
Их сил хватало, чтобы строить БАМ,
растить в тайге героев и пшеницу.
Они бензопиле не по зубам.
Но Время — Гавриилова труба —
одним щелчком перевернёт страницу.
И там, где крон шумели голоса, —
лежит щепка: безжизненна, как пепел.

Как хрупки тополиные леса,
подобные сплетенью тонких петель,
связующих людей и небеса.

Пустота

Когда тебе делают больно,
наверное, стать должно больно...
А если внутри стало пусто —
не горько, не тяжко, не грустно —
пусто,
как будто все чувства
выжгло палящим зноем,
словно траву на поле, —
скажите, что это такое,
когда не осталось боли?..